

Из истории русского языка

Как *сайгак* попал в церковнославянскую Библию?

Александр Игоревич Грищенко, Московский педагогический
государственный университет, Институт славяноведения РАН,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Российская государственная
библиотека (Россия, Москва), a.i.grishchenko@mpgu.su

DOI: 10.31857/S013161170005212-2

АННОТАЦИЯ: В очерке рассказывается о том, как в перечень «чистых» копытных библейской книги Второзаконие в церковнославянском переводе попало тюркское название *сайгак* — вместо ошибочного перевода *вельбуд* для греческого «камелопарда» (то есть жирафа), который, в свою очередь, соответствовал древнееврейскому «земеру» — некой антилопе или горной козе. Источником этой правки был иудео-тюркский перевод Пятикнижия, в котором Второзаконие сохранилось в более поздних караимских текстах, тогда как сама правка была сделана во второй половине XV века, по-видимому, на восточнославянских землях Велико княжества Литовского, где русские книжники могли вступить в контакт с носителями иудейской традиции, причем тюркоязычными. Из Правленого Пятикнижия, в основе которого лежал еще старославянский перевод начала X в., нововведение *сайгак* — наряду с другими, менее экзотическими, исправлениями в перечне чистых копытных (*тур, зубр и лось*) — попало в последующие редакции церковнославянской Библии, дожив до последней по времени Елисаветинской Библии 1751 г. Еще более удивительно, что эти, собственно славянские, названия животных оказались вместе с сайгаком в тюркском караимском переводе Пятикнижия в галицкой рукописи 1720 г.

ключевые слова: Библия, церковнославянский язык, названия животных, караимский язык, Правленое Пятикнижие

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Грищенко А. И. Как *сайгак* попал в церковнославянскую Библию? // Русская речь. 2019. № 3. С. 50–59. DOI: 10.31857/S013161170005212-2.

From the History of the Russian Language

How Did a Saiga Appear in the Church Slavonic Bible?

Alexander I. Grishchenko, Moscow State Pedagogical University, Institute for Slavic Studies (Russian Academy of Sciences), St. Tikhon's Orthodox University, Russian State Library (Russia, Moscow), a.i.grishchenko@mpgu.su

ABSTRACT: The essay deals with the case of the Turkic loanword *saygak* ‘Saiga tatarica’ emergence in the list of clean ungulates in Deuteronomy 14:5 of the Edited Slavonic-Russian Pentateuch from the 15th century. This word was used instead of the erroneous translation *vel’bud* ‘a camel’ from Greek “camelopard,” i.e., giraffe, which corresponds to Hebrew *zemer* ‘an antelope or rock goat.’ This editing originates from the Judeo-Turkic Pentateuch Targum which actually existed in that time in the East European Slavonic-Turkic contact zone. In the Turkic Targum, Deuteronomy remained only in the late Karaim versions, while the editing was made in the second half of the 15th century, apparently in the Ruthenian lands of the Grand Duchy of Lithuania. In these lands, the Russian bookmen could come into contact with the bearers of Jewish culture who were Turkic-speaking at that. From the Edited Pentateuch, based on the Old Church Slavonic translation from the early 10th century, the new word *saygak* — alongside the other corrections in the list of clean ungulates — fell into the succeeding versions of the Church Slavonic Bible including the Elizabeth Bible, 1751. Even more surprising is that the proper Slavic names of animals fell into the Turkic-Karaim translation of the Pentateuch contained in the Halych manuscript from 1720.

KEYWORDS: Bible, Church Slavonic, animals names, Karaim, Edited Pentateuch

FOR CITATION: Grishchenko A. I. How Did a Saiga Appear in the Church Slavonic Bible? Russian Speech = Russkaya Rech’. 2019. No. 3. Pp. 50–59. DOI: 10.31857/S013161170005212-2.

Сайгак (или сайга, латинское название *Saiga tatarica*) — небольшая антилопа с весьма примечательной внешностью (см. рис. 1), обитавшая с древности в степях Евразии от Северного Причерноморья до Монголии, а ныне практически истребленная. Ее название в русском и иных европейских языках — тюркского происхождения, хотя в самих тюркских языках это было давнее монгольское заимствование [Левитская и др. 2003: 164, 295]. Однако сайгак никогда не обитал ни на Ближнем Востоке, где создавались библейские книги Ветхого Завета, ни в Египте, где был сделан греческий перевод Ветхого Завета, принятый впоследствии в христианстве, особенно в Византии, где он считался более авторитетным, чем его древнееврейский оригинал, ни на Балканах, где с греческого перевода Ветхого Завета был сделан старославянский, по-видимому, в эпоху болгарского царя Симеона (нач. X в.). Поэтому удивительно, что в последней церковнославянской версии Библии, подготовленной в сер. XVIII в. в правление всероссийской императрицы Елисаветы Петровны, а потому известной под именем Елисаветинской Библии, в перечне «чистых» копытных, разрешенных к употреблению в пищу евреям, в книге Второзаконие (14:4–5) мы найдем и сайгака: «Сія скоты ядите: телца от говядь и агнца от овецъ и козла от козь: еленя и серну, и буйвола и ланя, и зубря и онагра и с а й г а к а ». В наиболее авторитетном на сегодня русском Синодальном переводе Библии XIX в. сайгаку здесь соответствует грецизм *камелопард*, заимствованный из греческой версии этого перечня животных, однако в другом месте Синодального перевода *сайгак* появляется уже по-русски: «Продовольствие Соломона на каждый день составляли: тридцать коров муки пшеничной и шестьдесят коров прочей муки, десять волов откормленных и двадцать волов с пастбища, и сто овец, кроме оленей, и серн, и с а й г а к о в, и откормленных птиц» (3 Царств 4:22–23).

Если в русском Синодальном переводе *сайгак* в 3-й книге Царств — явная ошибка, не поддерживаемая традицией, то *сайгак* церковнославянского Пятикнижия (именно к этому, первому, разделу Библии относится книга Второзаконие) — весьма интересного происхождения. Есть это слово в перечне «чистых» копытных и в первой печатной церковнославянской Острожской Библии (1580/81), и в ее московской перепечатке 1662 г. Однако попало оно туда не из списка знаменитой Геннадиевской Библии (1499), которая использовалась при подготовке острожского издания, а из особой разновидности Пятикнижия — рукописного Правленого Пятикнижия, созданного во втор. пол. XV в. и содержащего множество исправлений в самом тексте и глосс (примечаний, вариантов перевода) на полях, причем эти исправления и глоссы были заимствованы из еврейских источников, в том числе из еврейско-тюркского перевода Пятикнижия,

распространенного по меньшей мере с XV в. в Восточной Европе [Грищенко 2018]. Правленое Пятикнижие известно в 20 списках, исключительно восточнославянских, и создано было, скорее всего, на русских землях Великого княжества Литовского, откуда попало в Новгород, по-видимому, вместе с распространением так называемой «ереси жидовствующих». Подготовленная именно в Новгороде Геннадиевская Библия использует более раннюю редакцию Пятикнижия (точнее — Восьмикнижия, первых восьми, а не пяти книг Ветхого Завета, по византийской, а не иудейской традиции), хотя и имеет следы знакомства с Правленным Пятикнижием. Перечень «чистых» копытных в этой редакции совпадает со старославянским переводом и выглядит следующим образом (возьмем только стих Втор. 14:5): «елень серноу. и боволицу. и платонъ. и язвъ. и пураргъ. и рысь. вельблюдскыи» (цитируется по древнерусскому Архивскому Хронографу третьей четв. XV в., в котором представлен, вероятно, самый близкий к первоначальному переводу текст Восьмикнижия); в южнославянских списках Восьмикнижия на последнем месте (там, где потом появляется сайгак) — *вельбждъ*. Появление верблюда вместо греческого «камелопарда» вполне объяснимо: славянский переводчик опознал в этом слове только первую часть (*камело-*), которая и значит 'верблюд', а вторую или не заметил, или не знал, как переводить. В древнееврейском оригинале на месте греческого «камелопарда» упоминается некий «зэмер» — то ли горная овца, то ли горная коза, то ли антилопа (достоверно связать это древнее название с конкретным видом копытных невозможно). «Камелопардом» — буквально 'верблюдобарсом' — в Египте, где Пятикнижие в III в. до Р. Х. было переведено на греческий, называли, по-видимому, жирафа, тем более что жираф отвечает изложенным в книгах Левит и Второзаконие признакам «чистых животных»: он жует жвачку и копыта у него раздвоены. При этом верблюд — не отвечает, поскольку его копыта не считались раздвоенными. Позднее, уже в Средние века, равнины запретили в употребление и жирафа («камелопарда»), поскольку он хотя и отвечает требованиям к «чистым животным», имеет слишком длинную шею: дело в том, что в эпоху, когда в иудаизме утвердился авторитет Талмуда, где не только толковались и объяснялись заповеди Моисея, но и на их основании разрабатывались очень строгие рекомендации по их исполнению, были

Рис. 1. Сайгак в «Жизни животных» А. Э. Брема (гравюра 3-го немецкого издания, 1900)

Fig. 1. The saiga in *Brehm's Animal Life* (engraved in the 3rd German edition, 1900)

выработаны и сложные правила забоя «чистого» скота, в частности о месте и способе совершения надреза на шее животного. Поскольку для жирафа это место было невозможно определить, иудейские законодатели на всякий случай запретили к употреблению и его (правда, из более древних источников нам неизвестны случаи употребления в пищу жирафа иудеями Египта). В средневековой Европе камелопард считался чуть ли не мифическим зверем, и изображали его в основном по словесным описаниям (см. рис. 2).

Однако вернемся с старославянскому переводу Второзакония. В него вкралась очень грубая — особенно с точки зрения кашрута, иудейских пищевых запретов и предписаний, — ошибка: верблюд никак не мог быть «чистым» животным, тем более что через один стих (Втор. 14: 7) верблюд прямо запрещается к употреблению как «нечистый» (наряду с зайцем и даманом, в следующем стихе особо поминается и свинья). Так вот, на протяжении столетий православных славянских переписчиков библейских книг — что на Балканах, что на Руси — не смущало наличие верблюда одновременно в перечне как «чистых», так и «нечистых» копытных. Оно и понятно: верблюдов можно было увидеть лишь вместе с прибывшими с Востока купцами, на славянских землях они не жили и не разводились, да и к ветхозаветным пищевым запретам христиане относились в основном как к уже упраздненным, недействительным. Иное дело — редакторы и глоссаторы Правленного Пятикнижия в XV веке. Судя по всему, они были очень внимательны не только к древнееврейскому оригиналу или его переводам на использовавшиеся тогда местными иудеями языки (например, тюркский — западнокипчакский, литературный язык Золотой Орды), но и к иудейским толкованиям библейского текста, и к иудейским пищевым запретам: неслучайно в Новгороде и Московии их называли «жидовская мудрствующими». Именно поэтому «иудействующие» справщики не могли пройти мимо странного перевода перечня «чистых» копытных: если *елень*, *серна* и *боволица* (или *буволъ*, то есть буйвол) старославянского перевода остались на своих местах, поскольку были вполне «кошерными», то упоминавшиеся далее неизвестные звери *платунъ* (или *платонъ*) и *язвъ* (им обоим соответствовало одно греческое название животного — «трагелаф», то есть буквально ‘козлоолень’), странный *пураргъ* (искажение греческого «пюгарга»), явно «некошерная» хищница *рысь* (также искажение греческого слова «орикс», то

Рис. 2.
Камелопард
в «Истории
животных»
К. Геснера
(экземпляр РГБ:
Цюрих, 1551)

Fig. 2.
Camelopardalis
in the *History
of the Animals*
by Conrad
Gessner
(Russian State
Library's copy:
Zürich, 1551)

есть ‘антилопа’) и, наконец, тот самый *вельбудъ* — все они были заменены на «кошерных» *тура*, *зубря*, *лося* и *сайгака* соответственно. Все эти четыре животных имеют раздвоенные копыта и жуют жвачку. И упоминаются в перечне «чистых» копытных исключительно в Правленом Пятикнижии и в рукописях, в которых прослеживается его текстовое влияние.

Если тур, зубр и лось — привычные обитатели лесов Восточной Европы (правда, тур — дикий европейский бык — был к началу XVI в. практически полностью истреблен и доживал последние дни в Польше и Литве практически как парковое животное), да и сами их названия — славянские, причем представленные как в восточнославянских языках, так и в соседнем польском (*tur*, *źubr* и *łoś*), то сайгак — обитатель татарских степей, соседствовавших на юге и с Великим княжеством Литовским в Причерноморье и Приазовье, и с Великим княжеством Московским в Подонье и Поволжье. Первым из европейцев под именем *свак* или *суак* (*swak*) его описал польский хронист Матвей Меховский в «Трактате о двух Сарматиях» (1517): «Свак — это животное величиной с овцу, не попадающееся в других странах, с серой шерстью и двумя небольшими рогами, очень быстрое на бегу. Мясо его очень вкусно. Когда стадо сваков замечено где-нибудь в траве в поле, хан или император татарский скачет туда верхом со множеством конных и они со всех сторон окружают скрывающихся в высокой траве животных. Начинают бить в бубны, тогда испуганные сваки выбегают с разных сторон и всё мечутся от одного края облавы к другому, пока не обессилеют от усталости. Тут татары с криком бросаются на них и убивают» [Аннинский (ред.) 1936: 60]. Предполагают, что именно под влиянием сведений Меховского немецкий гуманист Себастьян Мюнстер изобразил в своей «Космографии» (1544) рогатое животное, возможно сайгака, в причерноморских степях на карте Московии (см. рис. 3).

Несколько позднее сайгака описывает барон Сигизмунд фон Герберштейн, посланник императора Священной Римской империи в Литве и Московии в 1517 и 1526 гг., который по следам двух своих путешествий сочинил знаменитые «Записки о Московии». В третьем издании «Записок» (1556) внутри главы «О Литве» Герберштейн помещает вставную главку «О диких зверях», где приводит сведения о четырех копытных, которыми оказываются все те же — именно в такой последовательности — зубр, тур, лось и сайгак!

Рис. 3. Предположительно сайгак на карте Московии С. Мюнстера (1544)

Fig. 3. Apparently saiga in the map of Muscovy from the *Cosmography* by Sebastian Münster (1544)

Возможно, кроме того, что он мог лично наблюдать этих зверей в великокняжеском зверинце в Троках близ литовской столицы, на описание именно их повлияло и его знакомство с текстом Правленого Пятикнижия, тем более что Герберштейн, словенец по происхождению, неплохо понимал по-русски и читал во время своих дипломатических миссий церковнославянские книги [Грищенко 2017]. Вот что он пишет о сайгаке, упоминая два варианта его названия: «На степных равнинах около Борисфена, Танаиса и Ра водится дикая овца, именуемая поляками *Solhac*, а московитами — *Seigack*, величиной с косулю, но с более короткими ногами; рога у ней вытянуты вверх и как бы отмечены колечками; московиты делают из них прозрачные рукоятки ножей. Они весьма стремительны и очень высоко прыгают» [Хорошкевич (ред.) 2008: 484–485]. Это описание было включено во второе издание «Истории животных» К. Геснера (1602) и сопровождается иллюстрацией, сделанной, конечно, исходя из фантазий художника (см. рис. 4).

Почему же именно сайгак — обитатель степей, известный московитам в основном по рукояткам ножей, а жителям Литвы, возможно, известный в еще меньшей степени, — заменил собою неправильного верблюда в Правленом Пятикнижии? Ответ на этот вопрос связан с источниками Правленого Пятикнижия, среди которых, как уже было сказано, обнаружился и иудео-тюркский перевод Библии. Что же это за тюркоязычные иудеи?

Не считая хазар, чьи тюркоязычные правители приняли иудаизм в сер. VIII или в нач. IX в., но никаких библейских переводов после себя не оставили, известны две группы, связанные с иудаизмом и говорившие по-тюркски, причем на близкородственных диалектах кипчакской группы: это крымчаки, евреи-раввинисты Крыма (для них иногда выделяют особый крымчакский язык), и караимы Восточной Европы, до сер. XX в. расселившиеся в четырех местах — в Крыму, в Литве (Тракай), в Галиции (Галич) и на Волыни (Луцк), при этом диалектов так называемого кара-

Рис. 4. Сайгак во втором издании «Истории животных» К. Геснера (1602)

Fig. 4. The saiga in the 2nd edition of the *History of the Animals* by Conrad Gessner (1602)

имского языка выделяют только два: тракайский и галицко-луцкий, тогда как язык крымских караимов относят к разновидности крымскотатарского (как иногда, впрочем, и крымчакский). Сложность, однако, в том, что исторически караимы — это не этническая, а конфессиональная группа (сейчас многие из

оставшихся караимов, особенно бывшего Советского Союза, с этим категорически не согласны), это своеобразные протестанты внутри иудейской религии: они, в отличие от евреев-раввинистов (раббанитов), не признают авторитет Талмуда, призывают к буквальному пониманию Библии и имеют множество отличий в своих религиозных законах и повседневных практиках. Возникновение караимизма как особой ветви иудаизма покрыто тайной, на историческую арену они выходят в VIII в., когда багдадский богослов Анан бен Давид выступил с резкой критикой раввинистического иудаизма; его последователи до эпохи Крестовых походов жили в основном на Ближнем Востоке — прежде всего в Палестине, а также в Месопотамии и Египте — и разговаривали, как и окружавшее их мусульманское большинство, на арабском языке. После захвата Иерусалима крестоносцами караимы стали переселяться и в Византию, где перешли на греческий язык. Но до сих пор достоверно неизвестно, где и когда часть караимских общин перешла на кипчакский язык, близкий языку Золотой Орды. По одной из версий, это случилось в уже захваченном татарами Крыму, по другой, выдвинутой израильским исследователем Даном Шапирой, — в самой Золотой Орде, в низовьях Волги, куда некие иудейские общины были угнаны ханом Тохтамышем в кон. XIV в. На протяжении XV в. тюркоязычные иудеи — а среди них были не только караимы, но и раввинисты — расселились в Великом княжестве Литовском (в Киеве и Троках) и на восточнославянских землях Польского королевства (Галич и Луцк) [Жулик (ред.) 2010: 282–320]. В результате на тюркском языке продолжили говорить лишь караимы (кроме осевших в Крыму крымчаков — также достоверно неизвестно, когда и при каких обстоятельствах), тогда как раввинисты перешли на основной язык своих единоверцев Восточной Европы — идиш. Для караимов сохранение отдельного, тюркского, языка повседневного общения было важно как средство поддержания собственной идентичности, которое позволяло им не сливаться с раввинистами (в Крыму же к XIX в., наоборот, раввинисты-крымчаки оказались в культурно зависимом положении от караимов).

Уже к XV в. были сделаны переводы библейских текстов на понятный тюркоязычным иудеям золотоордынский кипчакский язык. Правда, это обнаружилось совсем недавно — в единственной известной на сегодня рукописи 1470–80-х гг. с фрагментом Пятикнижия (она хранится в 1-м собрании А. С. Фирковича в Российской национальной библиотеке в С.-Петербурге), которая происходит, скорее всего, из раввинистической, а не караимской общины, причем с восточнославянских земель, поскольку содержит уже некоторое количество славянских заимствований в тексте. Более поздние иудео-тюркские переводы Пятикнижия известны через несколько столетий, лишь с нач. XVIII в., и исключительно в караимской традиции.

К сожалению, петербургская рукопись из собрания Фирковича неполная, и в ней совершенно отсутствует Второзаконие, так что сказать сейчас достоверно, переводился ли в ней библейский «зёмер» как «сайгак», увы, невозможно. Зато известна практически полная рукопись караимского Пятикнижия галицкого происхождения (правда, написанная на тракайском диалекте) 1720 г., хранящаяся в частной коллекции в Варшаве, и в ней стих Втор. 14:5 содержит следующий перечень «чистых» копытных, где *да* — это союз ‘и’, а аффиксы *-ны* и *-ну/-ню* дают значение винительного падежа: «*соґаґ-ны*, да юр-ню ‘олень’, да *бойвол-ну*, да поле *кõй-ўнь* ‘полевую овцу’, да *дишон-ну* ‘дишона (еврейское название)’, да *лос-ну*, да *зубра-ны*» (информация стала доступна благодаря любезности краковско-го тюрколога Михала Немета, который готовит эту рукопись к изданию). Курсивом выделены те названия животных, которые не требуют перевода: это три славянских заимствования *бойвол*, *лос* и *зубр*, причем два последних — из новых вариантов Правленого Пятикнижия! И наконец, на первое место с последнего в этом перечне (что случается в результате многократного переписывания и путаницы в названиях) переместился сайгак, правда в специфической караимской форме *соґаґ* — одного из вариантов того названия этого копытного, которое было заимствовано в Правленое Пятикнижие, а затем и в русский язык.

Возникает, однако, дальнейший вопрос: были ли заимствованы славянские названия животных в иудео-тюркский перевод из Правленого славяно-русского Пятикнижия или они сначала были использованы тюркоязычными иудеями для перевода малопонятных библейских реалий в качестве заимствований из языка славянского окружения, а затем вместе со словом *сайгак* — из «степного» прошлого евреев Золотой Орды — попали в Правленое Пятикнижие? С большей вероятностью можно допустить последнее, нежели обратное влияние христианского библейского перевода на иудейский. В связи с этими обстоятельствами по-новому звучит давняя догадка Тадеуша Ковальского о том, что название сайгака в русский, украинский и польский языки было заимствовано через караимское посредничество (см. ссылки у М. Фасмера: [Фасмер 1987: 545]).

Литература

- Аннинский С. А. (ред.). Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях / Введ., пер., коммент. С. А. Аннинского. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1936. XII, 288 с.
- Гриценко А. И. «Дикие звери» Сигизмунда Герберштейна и перечень чистых копытных в правленом славяно-русском Пятикнижии // Slavistična revija. 2017. Letnik 65. Št. 4. С. 611–628.

- Грищенко А. И. Правленое славяно-русское Пятикнижие XV века: предварительные итоги лингвотекстологического изучения. М.: Древлехранилище, 2018. 176 с.
- Кулик А. (ред.). История еврейского народа в России. От древности до раннего Нового времени. Т. 1. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2010. 488 с.
- Левитская Л. С., Дыбо А. В., Благова Г. Ф., Рассадин В. И., Насилов Д. М., Поцелуевский Е. А. Этимологический словарь тюркских языков. Т. 7. М.: Восточная литература РАН, 2003. 446 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Т. III. М.: Прогресс, 1987. 832 с.
- Хорошкевич А. Л. (ред.). Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии / Пер. А. И. Малеина и А. В. Назаренко. Т. I. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 776 с.

References

- Anninskiy S. A. (ed.). Matvei Mekhovskii [Maciej Miechowita]. *Traktat o dvukh Sarmatiyakh* [Treatise on the two Sarmatias]. Russ. transl., and commented by S. A. Anninskiy. Moscow and Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1936. XII, 288 p.
- Fasmer M. [Vasmer M.]. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [The etymological dictionary of the Russian language]. Russ. transl. from German and addenda by O. N. Trubachev. Vol. III. Moscow, Progress Publ., 1987. 832 p.
- Grishchenko A. I. [The “wild beasts” of Sigismund von Herberstein and the list of clean ungulates in the Edited Slavonic-Russian Pentateuch]. *Slavistična revija*, 2017, vol. 65, iss. 4, pp. 611–628. (In Russ.)
- Grishchenko A. I. *Pravlenoe slavyano-russkoe Pyatiknizhie XV veka: predvaritel'nye itogi lingvotekstologicheskogo izucheniya* [The edited Slavonic-Russian Pentateuch from the 15th century: The preliminary results of the linguistic and textological study]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2018. 176 p.
- Khoroshkevich A. L. (ed.). Sigismund Gerbershtein [Sigismund von Herberstein]. *Zapiski o Moskovii* [Notes on Muscovite affairs]. Russ. transl. by A. I. Malein and A. V. Nazarenko. Vol. I. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ., 2008. 776 p.
- Kulik A. (ed.). *Istoriya evreiskogo naroda v Rossii. Ot drevnosti do rannego Novogo vremeni* [The history of the Jewish people in Russia: From the Ancient Time to the Early Modernity]. Vol. 1. Moscow, Mosty kul'tury Publ.; Jerusalem, Gesharim Publ., 2010. 488 p.
- Levitskaya L. S., Dybo A. V., Blagova G. F., Rassadin V. I., Nasilov D. M., Potseluevskii E. A. *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov* [The etymological dictionary of the Turkic languages]. Vol. 7. Moscow, Vostochnaya literatura RAN Publ., 2003. 446 p.